

Jiddu Krishnamurti

Второе обсуждение в Лондоне

From the series:

XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXX 1965 XXXX

XXXXXXXXXXXX 2

В прошлый раз мы говорили о том, как важно быть серьезным, быть ревностным во всем, что мы делаем, особенно в случаях, касающихся более глубокого понимания и восприятия. Я полагаю, что каждый должен не только понимать слова и их важность, но также идти глубже просто слов, объяснений и интеллектуальных понятий. Мы живем по фрагментам и очень трудно освободиться от способности формулировать понятия от понятий. Если бы человек понял существование в целом, он должен не только понять значение слов, но также должен уяснить, что слова – не вещи. Слово никогда не было вещью, но для многих из нас слово ЕСТЬ вещь, поэтому общение становится довольно затруднительным.

Мы также говорили, что жить – означает брать ее в целом, а не фрагментами. Мы воспринимаем жизнь фрагментами: интеллектуально, эмоционально, чувственно или просто ощущениями. Нет цельного подхода к жизни мы понимаем под жизнью не только зарабатывать деньги, удовлетворять некоторые сексуальные аппетиты и некоторые поверхностные чувственные желания, но нечто более глубокое, гораздо более важное. Чтобы жить так, человек должен приблизиться к жизни, как целому. Это невозможно, когда мы живем в отсеках, когда мы живем так и пытаемся разрешить проблемы по частям, или пока мы приближаемся к жизни через посредство воли.

Воля – результат интенсивного желания. Желание поднимается естественно и неизбежно, когда есть контакт, ощущение и восприятие. Мы спрашивали, что дает желанию длительность и силу. Кто-то предположил, что это мысль. Желание длится, когда мысль вмещивается или олицетворяет себя с ним. Почему она олицетворяет, почему она вмещивается и почему она не должна вмещиваться? Это то, что мы собираемся обсудить сегодня.

Живя в этом мире, не в монастыре, не в башне из слоновой кости, не в каком-либо изолированном

месте, но живя в этом мире, продолжая вести каждодневную деятельность, возможно ли жить без усилий? Усилие включает в себе волю.

Воля – результат противоречия. Если мы не поймем этот вопрос желания, не подавляя его, не отвергая и не переступая его, и не пытаюсь контролировать его или направлять в определенную сторону, невозможно будет разрешить наши проблемы в целом.

В.: Когда вы используете слово «желание», я понимаю, что вы подразумеваете чувство «хотеть». Вы говорите, что мы что-либо видим: есть контакт и затем ощущение.

К.: Это не то, о чем я говорю, сэр. Это то, что имеет место, не так ли?

В.: Ну нет, я так не думаю.

К.: Как поднимается желание? Как оно возникает?

В.: Это из памяти ощущений.

К.: Продолжайте, сэр. Двигайтесь вперед, копайте глубже.

В.: Я не знаю в действительности источника первоначального желания. Все мои желания явно существуют: ОНИ возникли ранее.

К.: Почти все, что мы делаем, результат усилия. Мы пытаемся, мы боремся, мы приспособливаемся, мы идем на компромиссы, и в этом всегда есть усилие. Возможно ли жить без усилия, непосредственно, и при этом все же быть чрезвычайно активным – развить все свои дарования и жить полно, а не прозябать? Усилие приводит к рассеиванию энергии. Когда вся энергия сконцентрирована без усилий и нет движения ни в каком направлении, когда эта энергия взрывается, и этот взрыв – есть творчество.

В.: Когда человек заинтересован в чем-нибудь, нет вовлечения усилия.

К.: Но как же он должен стать полностью заинтересованным? У меня нет интереса. Как я должен его поднять? Это ставит проблему, не так ли? Жизнь однообразна, утомительна, наполнена постоянным раздором и борьбой. Все наши взаимоотношения создают напряженность... Мы впадаем в механические и поверхностные привычки и просто влачимся сознательно и бессознательно. Как человеку выбиться из этого механического существования и сделать жизнь творческой? Чтобы понять это, он должен несомненно вникнуть в то, как расточается энергия. Потому что ему необходима чрезвычайно громадная энергия, энергия без движения, чтобы нечто новое – взрыв – имел место. Поэтому я должен выяснить, как мозг расточает энергию.

Древние говорили, что некоторые расточают энергию, будучи молчаливыми, будучи чувственными. Поэтому они покидали мир, считая его иллюзорным, и удалялись в монастырь, где их тренировали, или управляли, их поработщали и подавляли. Или человек воспринимает мир так, как он есть, и живет весьма поверхностной жизнью, не проявляя интереса ни к более широким, ни к более глубоким вещам. Побег из жизни в монастырь, или в религиозную идею, или религиозное посвящение идеалу – все ещё потеря энергии, потому что это возвращает конфликт. Конфликт на любом уровне, будь то физический, эмоциональный или интеллектуальный – это сущность потерянной энергии. Возможно ли прекратить все усилия. Воля не может совершить этого. Если я развиваю волю, чтобы прекратить его, опять имеет место борьба. Само это развитие возвращает конфликт. Единственно творческая жизнь – это жизнь без усилия. Чтобы вести такой образ жизни, необходимо понять сущность желания, потому что желание возвращает конфликт противоположностей, действительность, желание и нежелание, удовольствие и неудовольствие. Необходимо определить, как возникает желание с самого начала. Надо понять основу и состав

желания, не подавляя его, не изменяя его, не пытаясь управлять им и придавать ему какую-либо форму.

Мы видим, что мысль дает желанию форму, длительность и жизненность. Почему мысль смешивается с желанием таким образом? Я вижу нечто прекрасное: женщину, машину, дом. Желание начинается и мысль дает ему длительность. Если бы мысль не смешивалась с ним, желанию пришел бы конец. Если вы экспериментировали с этим, вы знаете, чего мы боимся, так это конца чего-либо, не так ли? Если желание кончилось и нет продолжения, что же случается? Вовлекается время. Как только мы боимся прийти к концу чего-либо, мы пользуемся временем, не хронологическим, но психологическим, которого фактически нет, но которое придумано умом. Для нас время стало чрезвычайно важным. Если реально столкнуться с фактом, что психологически нет времени, то вы пришли бы в ужас.

В.: К тому же, разве мы не используем время, чтобы определить себя? Мы настолько неосведомлены относительно того, где мы, что, думая о прошлом, можем определить себя и чувствовать себя более спокойно.

К.: Это то же самое, несомненно. Мы цепляемся за время. Мысль, давая длительность желанию, – это продолжение себя, своего желания, своего будущего.

В.: Чувство, что ты есть та же личность, что мгновение раньше – такая укоренившаяся, такая автоматическая, что я не вижу, как сквозь нее пробиться.

К.: Давайте поставим вопрос иначе. Человек видит, что его каждодневная жизнь механическая, повторяющаяся, с ложными желаниями, деятельностью и привычками. Возможно ли человеку вырваться из этого и быть свободным в каждый момент, каждую минуту дня? В этом заключается вопрос, не так ли? Как это должно произойти?

В.: Мы должны увидеть, что мы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** живем механически.

К.: Если мы видим, что наша жизнь **МЕХАНИЧЕСКАЯ**, что наши удовольствия, печали и заботы – это повторения, как это все можно прекратить?

В.: Это иногда прекращается, но начинается вновь.

К.: Я не думаю, что это кончается иногда и начинается снова.

В.: Вы не считаете, что если мы продолжаем наблюдать каждый день, мы удаляемся от обусловленного ума?

К.: Это означает, что вы смотрите на время, как на средство разрушения механического процесса.

В.: Да.

К.: Если кто-то в конце концов приходит к этому постепенно, будучи бдительным, освобождая себя от обусловленности, это требует времени. Он смотрит на время, как на средство окончания этого механического образа жизни.

В.: Кроме того, я чувствую, что это ставит человека в другое измерение времени. Это не измерение времени обусловленного ума. Но я полагаю, что это еще время.

К.: Я не знаю, что представляет собою это другое измерение времени. Я могу изобрести его, могу размышлять об этом, могу на него надеяться, но по-настоящему я не знаю его. Я не с ним, оно не является частью меня. Я должен его выявить, должен войти в него. Я не должен пользоваться временем, потому что время предполагает усилие и длительность. Механический процесс

продолжается и продолжается. Возможно ли жить так, чтобы не было завтра? Внутренне, психологически, то, чего мы хотим, – это продолжения удовольствия, удовольствия из которого есть завтра.

В.: Подсознательное убеждение, что это именно ты будешь страдать или наслаждаться в следующий момент, так сильно, что я не знаю, возможно ли поступать так, как вы говорите.

К.: Это не «поступать, как я говорю», но «видеть, что происходит», сэр.

В.: Сэр, возможна ли психологическая свобода от завтра, если жить по естественным законам? То есть, есть день, затем – ночь; есть свет, а затем – тьма. Это входит очень глубоко в человека, несомненно, даже глубже, чем обусловленный ум.

К.: Я не совсем понимаю, сэр.

В.: Как можно быть свободным от хотения, свободным от ожидания завтра в длительности времени, если человек живет по естественным законам дня и ночи, тьмы и света? Все это заставляет ОЩУЩАТЬ время.

К.: Заставляет ли последовательность ночи и дня ОЩУЩАТЬ время?

В.: Это побуждает ощущать лишь ПЕРЕМЕНУ, но не время.

В.: Я вижу, что это не обязательно побуждает ощущать время.

К.: Я смотрю в завтра, потому что собираюсь радоваться завтра. Мысль о завтра доставляет мне удовольствие. Кого-то я встречу – весь круг удовольствий.

В.: Но я мог бы не наслаждаться завтра. Я мог бы думать о чем-либо, что пугает меня.

К.: Если я боюсь завтра – это то же самое.

В.: Как можно бояться завтра, если я не знаю, каково будет завтра?

К.: Несомненно, у вас есть некоторый страх завтра, страх смерти, небытия, потери работы или бегства жены. К тому же, мы все очень хорошо знаем удовольствие, которое приносит мысль о завтра.

В.: Следуя тому, что говорил тот джентельмен об этом естественном законе, мы подобны золотой рыбке в воде. Мы так окружены вещами, которые постоянно напоминают нам о времени, что мы должны постоянно его учитывать. Даже наша поза – это привычка и собственный метод балансирования. Отделить психологическое время от актуального времени, времени часов и естественного процесса жизни нашего тела, кажется чрезвычайно трудным.

К.: Хорошо, сэр, давайте снова взглянем на этот вопрос по-другому. Что представляет действие, момент познания? Что представляет собой процесс наблюдения и внимания? Когда вы слушаете, разве вы слушаете во времени? Слушаете вы с понятиями, формулировками, идеями или просто? Сюда относится шум движения транспорта. Как вы его слушаете? Слышите вы его с раздражением, воспоминаниями, с неприязнью, или вы просто слышите его? Смотрите ли вы только глазами, когда смотрите на вашу жену или вашего мужа, или когда вы смотрите в зеркало? Или вы также смотрите во времени, с неудовольствием, тоской, унынием или какой-либо иной реакцией, основанной на памяти?

В.: Вы спросили об акте познания, но я не думаю, что мы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО познаем. Мы пытаемся внести в это и время. Мы смотрим в зеркало и видим больше седых волос. Мы сравниваем их с тем

количеством, которое было вчера, и обнаруживаем, что стареем. Так мы познаем, но я не думаю, что это истинное познание.

К.: Тогда что же есть познание?

В.: Я полагаю, это наблюдение без времени.

К.: Не спекулируйте на этом. Что есть познание? Как мы познаем?

В.: Когда мы осознаем нашу обусловленность.

К.: Когда вы познаете? Не отвечайте немедленно, пожалуйста. Просто взгляните на это. Что есть акт познания? Каково состояние ума, когда мы познаем?

В.: Вы подразумеваете познание отдельно от наблюдателя?

К.: Для меня наблюдение и познание – одно и то же.

В.: Это опыт.

К.: Быть открытым.

В.: Концентрированным. Жаждаю выяснить.

К.: Когда вы познаете? Познание отлично от знания, не так ли? Собираение знаний отличается от познания. В момент, когда я познаю, оно становится знанием. После того, как я познал, я добавил к ним еще что-то. Этот процесс добавления мы называем познанием, но это просто аккумуляция знаний. Я не против этого, но мы пытаемся выяснить, что есть акт познания. Ум познает лишь тогда, когда он находится в состоянии незнания. Когда я не знаю – я познаю. В тот момент, когда я познал, то, что я познал, занимает свое место во времени, оно становится знанием и этим знанием я оперирую. Могу ли я действовать так же в акте познания?

В.: Я думаю, что иногда человек говорит лишь словами то, чего не знает, но в действительности это не так. Я могу сказать то, чего не знаю, но необходимо ощутить еще что-то, что является действительно актом.

К.: Познание может быть лишь когда есть действительное завершение.

В.: Почему бы ему не быть реальным?

К.: Сэр, что мы пытаемся выяснить? Разве мы не пытаемся выяснить не словесно или теоретически, но действительно и фактически, возможно ли жить в этом мире в ином измерении, в котором нет вообще никаких усилий? Это значит жить на уровне, где нет проблем; или, если она появляется, то ее встречают полно, так что она исчезает в следующий момент. Мы можем продолжать плести множество теорий, но это слишком глупо и по-детски. Чтобы выяснить что-либо, необходим конец тому, что я узнал, или то, что я знаю, не должно мешать. Я должен узнать, что должно кончиться, и закончить, конец должен быть с полной энергией.

В.: Вы имеете в виду нечто большее, чем забывать?

К.: Конечно. Забыть – очень просто.

В.: Не могли бы вы немного пояснить, что вы подразумеваете под концом?

К.: Послушайте, сэр, это очень просто. Вы когда-нибудь пробовали прекратить удовольствие?

В.: Да.

К.: Без усилий?

В.: Да.

К.: Без малейшего ограничения, не зная, что случится потом?

В.: Да, мне наскучило.

К.: О, нет, не наскучило. Возьмите вашу определенную приятную привычку, будь то секс, курение, выпивка, честолюбие или что-либо еще. Прекратите это без борьбы, не зная, что произойдет потом. Возьмите, без страха вреда курения, не боясь рака, которым вы заболите, если будете продолжать курить. Прекратите привычку.

В.: Пока вы еще наслаждаетесь ею?

К.: Конечно, пока вы еще наслаждаетесь ею /смех/. Как человек приходил к этому состоянию, когда при полном наслаждении чем-либо, он прекращает его?

В.: Если он остается пассивным, тогда как мог бы обычно предпринять некоторые действия для удовлетворения желания, и вместо того, чтобы действовать, просто наблюдает за желанием.

К.: Как вы наблюдаете? Пожалуйста, не теоретизируйте. Когда вы начинаете теоретизировать, вы не сможете продвинуться дальше. Возьмите определенную привычку, которой вы наслаждаетесь. Вам хорошо с ней. Зачем вам СЛЕДУЕТ прекращать ее? В конце концов это повторяющееся удовольствие становится механическим. Вы начинаете чувствовать отвращение к нему, а взять другое удовольствие, которым вы наслаждались до этого, оно тоже становится безвкусным.

В.: Вы не остановите его, если не увидите, что оно связывает вас.

К.: Я не хочу отказываться ни от чего. Я вижу, что жизнь так машинальна, – удовольствие и боль, и усталость от боли и удовольствия. Если мне скучно, я пытаюсь убежать от этого, используя замок, церковь, медитацию, учителей или погоню за знанием. Это попытка спастись от механического процесса жизни.

Я не хочу теоретизировать. Я хочу выяснить, может ли человек жить иначе, не механически. Как он может это сделать? Единственный путь, насколько я вижу сейчас, – я могу изменить /свое мнение?/, если углублюсь в этот вопрос, – в том, чтобы прекратить все потери энергии; потому что для того, чтобы закончить что-либо, требуется чрезвычайная энергия. Чтобы слушать – необходима энергия. Смотреть без вмешательства мысли, без вмешательства моей обусловленности, без предрассудков, – сам в процессе наблюдения – это одна энергия. Чтобы слышать, как движется машина, человеку нужно внимание, в котором нет ничего мешающего; а чтобы быть полностью внимательным – требуется огромная энергия. Общее внимание требует энергии не только нервной, но и умственной.

Сейчас я теряю энергию. Как мне прекратить эту потерю, без усилий? В то мгновение, когда я прилагаю усилие, чтобы прекратить это, рождается новое противоречие, другая потеря. Ум осознает, что он должен прекратить потерю энергии. Как это можно сделать?

В.: Я вижу, что ум сам по себе не может. Пока я в целом не буду убежден, не узнаю, не увижу, не пойму, что это должно быть, я не прекращу этого.

К.: Ум сам по себе, являющийся результатом времени, не может прекратить этого, потому что ум составлен из предрассудков, черт характера, темпераментов и опыта. Сам ум, использующий время, теряет себя: поэтому он не может действовать, он не может положить конец потере энергии. Когда вы слушаете или смотрите, разве вы используете только ум, или вы используете все существо: ум,

интеллект и эмоции?

В.: Общее сознание.

К.: Находится ли общее сознание, общее внимание, общая сила в действии, когда человек слушает? Никто так не слушает все время, очевидно, есть моменты, когда человек полностью внимателен, полностью сознателен, и есть провалы, длительные периоды времени, когда он не внимателен, когда он не полностью осознает. Что ему делать? Он обычно говорит: «Как человеку быть постоянно бдительным?» Думаю, что это неправильный вопрос, неправильное требование. Что человек действительно должен делать – это быть внимательным к невнимательности. Потому что именно невнимательность вскармливает проблемы и конфликт, а НЕ внимание.

В.: Когда нет внимания, кто же должен быть внимательным?

К.: Когда нет внимания, кто же должен быть внимательным к невнимательности? Это вопрос. Когда вы внимательны, когда вы слушаете, познаете, когда смотрите, есть ли сущность, которая наблюдает? Поскольку вы слушаете говорящего, выясните. Когда вы отдаете полное внимание, с вашим телом, умом, нервами, глазами, – разве есть наблюдатель, критик?

В.: Нет.

К.: Это происходит только когда вы внимательны. Это невнимание вскармливает проблемы, и решение этих проблем все еще ищется в невнимании. Если у человека существует проблема и он прислушивается полностью к ней, весь, не пытаясь найти ответ, не размышляя, не пытаясь убежать от нее, но целиком живет с ней, тогда он увидит, что проблемы, как таковой, – и нет. Проблема возникает только когда нет внимания.

В.: Очень похоже, я чувствую, что эта форма внимания требует чрезмерной энергии.

К.: Да.

В.: Это правда. Я не могу находиться в таком состоянии больше мгновения. Я теряю его. Я не могу возобновить внимание.

К.: Внимание не может быть возобновлено.

В.: В течение этих моментов внимания человек видит, что что-то существует вне времени.

В.: Проблема, как вы говорите, в том, что мы должны пристально следить, чтобы сохранять наши силы, однако, кажется, постоянно есть нечто над моим умом. Причина того, что у меня нет полного внимания, не в том, что я не могу, а в том, что я не хочу. Это моя проблема.

К.: Тогда сохраняйте ее вашей проблемой /смех/. Наш образ жизни, жизнь полна проблем, не так ли? И если вам это нравится, живите так. Продолжайте так же. Страдание, боль и тоска, полный страх – такова наша жизнь.

В.: Нет. Это не совсем так. Я имел в виду, что я боюсь того, что сделает это полное внимание. Существует этот взрыв энергии.

К.: Но, сэр, вы не можете бояться того, чего не знаете.

В.: Правильно, это факт, что вы не можете, но ЕСТЬ возможность выбора.

К.: Итак, вы говорите: «Я не могу быть целиком внимательным, потому что боюсь».

В.: Точно.

К.: Тогда вы должны исследовать страх и как избавиться от страха, а не интеллектуальные идеи и лозунги. Что есть страх? Попробуем вместе со мной проделать следующее: прислушайтесь к нему полностью, отдав этому все ваше внимание. Вы не сможете отдать ваше полное внимание. Если полностью не расслабите тело, не успокоите свой ум. Физически, эмоционально и духовно он он должен быть полностью спокоен. Психологически также должен быть покой, чтобы слушать. Слушайте в этом состоянии. Что вы слушаете: объяснение, набор слов, или то, чего вы боитесь?

Если вы так слушаете, есть ли страх? Вы можете слушать неясные толчки страха, не так ли? А далее – есть ли там страх?

Возьмем страх одиночества, это чувство изолированности. Хотя человек может быть связан со многими людьми и иметь многих друзей, есть чувство полного одиночества. Он знает это и, вероятно, это главная причина страха. Чтобы прислушаться к этому чувству одиночества, видеть его, чувствовать его и познавать его, необходима огромная энергия, энергия не упорядоченная. Нет рационализации, нет объяснения. В этом состоянии прислушивания ум совершенно спокоен по отношению к этому одиночеству. Если человек так внимает ему и изучает его, нет сущности, которая накапливает знания о нем. Нет наблюдателя и объекта наблюдения. Это самое трудное. Это противоречие, это разделение на наблюдателя и наблюдаемого создает проблему конфликта. Возможно ли смотреть на что-либо настолько полно, что не будет наблюдателя?

Что есть общение? Как вы общаетесь? Слова или жесты необходимы, чтобы вас поняли. Если должно быть общение, как говорящий так и слушатель должны приложить одинаковые усилия. В таком состоянии напряжения нет слушающего и говорящего. В этом состоянии – общение ума. Общение заключает в себе пространство.

Ум, отягощенный пробелами, притупляется; а вялый ум не может быть внимательным. Когда возникает какая-нибудь проблема, только внимательный, напряженный, познающий, слушающий ум может встретить ее, разрешить и предложить ей уйти. Как может ум, имеющий множество проблем, встретить новые? Есть проблема смерти, проблема времени, пространства, взаимоотношений, жизни, заработка, болезни, здоровья и старости. Каким образом ум должен их встретить одновременно, не по одной, но в целом, одновременно, без усилий?

При нашем настоящем подходе к ним, все наши проблемы фрагментарны. Есть проблема усталости, скуки, радости – множество – проблем, одна за другой. Есть ли подход ко ВСЕМ этим проблемам, не в отдельности, но в общем? Если я имею дело с каждой проблемой в отдельности, каждая должна занять время: поэтому я должен понять время.

В.: Если вы можете иметь дело со всеми проблемами одновременно, то это предполагает, что у них общий корень.

К.: Частично это так.

В.: Если вы живете в настоящем, то у вас есть всегда одна проблема при этом, действительно, все проблемы срастаются в одну.

К.: Экзенстенциалисты говорят: «живите в настоящем». Что это означает – жить в настоящем, активном настоящем?

В.: Это означает, что прошлое не уводит нас от него.

К.: Пожалуйста, еще немного углубитесь в это, сэр. Как я могу жить в настоящем, когда я результат прошлого и пользуюсь прошлым, как средством достижения будущего? Это означает, что я должен свести все время – прошлое, настоящее и будущее – в непосредственное настоящее. Чтобы жить в

настоящем, время должно разрушиться.

В.: Я бы сказала, сэр, что это прямое восприятие, без стремления что-либо сделать с ним.

К.: Да, мадам, но пожалуйста, взгляните на чрезвычайную трудность. Как должно время уничтожиться? Как должно разрушиться мгновение? Как должно уничтожиться расстояние между нами и Луной? Не говорите: «Хорошо, если я буду внимателен – это свершится» – это не ответ. Когда мы говорим: «Живите в настоящем» – это должно быть нечто необычное. Потому что я есть результат двух миллионов лет, мой ум, мой мозг, мои привычки – все от времени. Вы говорите мне – жить в настоящем. Я спрашиваю, что вы ПОДРАЗУМЕВАТЕ под этим? Как я могу жить в настоящем, когда я имею огромнейшую историю за собой, которая толкает меня из настоящего в будущее? Как я должен жить в настоящем с прошлым? Я не могу. Поэтому должно быть разрушение времени. Время должно прийти к концу: время должно остановиться.

В.: Я чувствую, что живу в настоящем, когда у меня нет воспоминаний, когда я только здесь: в те моменты когда я экспериментирую.

К.: Да, но эти моменты приходят и уходят. Это не очень хорошо. У всех нас были моменты, когда время не имело значения.

В.: Человек видит взаимосвязанность, а затем имеет место действие, возникающее из этого.

К.: Что вы имеете ввиду под действием? Это – делать, быть, функционировать, думать, действовать? Означает ли действие подниматься, идти на работу и тому подобное? Это действие основано на прошлом, на идее. Понятии? Для нас действие связано со временем. Сейчас мы пытаемся все привязать ко времени. Познавать, жить и действовать в настоящем – все это требует понимания и окончания времени.

В.: Чтобы разрушить время, это должно означать уничтожение сущности.

К.: Да, сэр, разрушение сущности.

В.: Не могли бы вы объяснить, почему прошлое и будущее кажутся гораздо более интересными, чем настоящее?

К.: Леди желает знать, почему прошлое и будущее гораздо более интересно, чем настоящее. Это совершенно очевидно /смех/.

В.: Хорошо, могу я задать такой вопрос: «Почему с настоящим так трудно стоять лицом к лицу?»

К.: Это то, что мы пытаемся определить.

В.: Я имею ввиду, что человек может находиться в спокойной обстановке и, однако, трудно смотреть в лицо настоящему.

К.: Если мы действительно поймем что-либо. Если мы увидим какой-то факт правдиво, тогда сам этот факт, само это наблюдение совершает свое действие. Мне не нужно выяснять, как действовать. Что мы пытаемся выяснить, что мы пытаемся открыть для себя, – это, возможно ли жить в настоящем вообще?

В.: Разве это возможно – НЕ жить /в настоящем/? Это единственное место, где мы МОЖЕМ жить.

К.: Это идея, сэр. Все мои поступки основаны на идеях, на формулах, на опыте, на знании, которые все относятся к прошлому. Я не знаю ни одного действия, которое не относится ко времени. Затем кто-то приходит и говорит, чтобы я жил в настоящем. Я говорю: «Что вы имеете в виду под этим?»

Как я могу жить в настоящем?» Если это теория, то она не имеет ценности; она вообще не имеет значения. Чтобы понять что это означает, я должен определить, понять и полностью осознать время – время как пространство, как расстояние, как постоянное движение: использование времени как средства избавления от чего-либо или приобретения чего-либо. Чтобы жить в настоящем, этот образ мышления, этот взгляд, этот образ жизни должны разрушиться. Но все мое существо как сознательное, так и бессознательное – ВРЕМЕННОЕ. Как разуму выйти из него?

В.: Все образы себя должны уничтожиться.

К.: Это идея, сэр. Это не факт.

В.: Факт в том, что я недостаточно знаю.

К.: У нас нет времени знать достаточно.

В.: Но я вижу, как создаю время, когда бы я ни думал. Каждый момент, когда я не в полном внимании т. е. практически всегда, часы идут.

К.: Да, сэр.

В.: Таким образом, в течение моей жизни я создаю время.

К.: Как же вы собираетесь прекратить это?

В.: Я мог бы просто перестать думать.

К.: Конечно, нет. Вопрос в том: может ли время уничтожиться? Жить в настоящем означает, что нет завтра. Это означает конец удовольствия: конец боли, конец печали, не завтра, но СЕГОДНЯ. Человек не может жить в настоящем с печалью, отчаянием, надеждой, честолюбием. Он должен прийти к такому окончанию времени, такому концу или уничтожению времени, не прямо, но иным путем. Он должен прийти к этому негативно. Он не знает, что означает конец времени: поэтому он должен прийти к нему осознанием того, как мыслит ум, как он использует время, отрицательно или положительно, как средство достижения.

Существует вопрос мира. Как можно быть мирным, не теоретически, не в идеале, которого надо достичь, но действительно? Как можно быть мирным, когда есть войны, споры, ссоры? Все в этом мире основано на насилии. Чтобы был мир – не может БЫТЬ ЗАВТРА.

Ученые углубляются в вопрос разрушения пространства, которое является разрушением времени, так как для того, чтобы достичь Марса, ракетам потребуется многие месяцы и годы. Могут существовать гораздо более быстрые пути достижения Марса. В это вовлечены чрезвычайные силы. Может ли ум, подобный нашему, привыкший к использованию времени, живший таким образом два миллиона лет, неожиданно разрушиться? Можем ли мы исключить бесконечные споры осознания, страхи и надежды?